

АЛЬБЕРТ СВЕТЛОВ

ГРАНАТОВЫЙ ПЕПЕЛ

Альберт Светлов
Гранатовый пепел

«Издательские решения»

Светлов А.

Гранатовый пепел / А. Светлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512627-6

Своеобразное продолжение предыдущего сборника. Стихотворения в прозе разбавлены двумя ранее не издававшимися рассказами «Мужчины иногда плачут» и «Да пошли вы все!»

ISBN 978-5-00-512627-6

© Светлов А.
© Издательские решения

Содержание

Колибри	6
Джинсовый ангел	7
Между сном и явью	9
Время Голландца Михеля	11
Частные уроки музыки	12
Хрупкие	14
Чёрно-белое кино	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Гранатовый пепел

Альберт Светлов

© Альберт Светлов, 2020

ISBN 978-5-0051-2627-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Колибри

Твоя душа покидала тесную для неё Землю,
Остановив миндальное сердечко радужной колибри,
Омытой тёплым тропическим ливнем Амазонии.
А я с гудящей головой прямо по лужам брёл
С деревенского кладбища, согревая в карманах куртки,
Заштопанной тобою накануне Первомая,
Чуть подмороженные фиалковые яблоки,
Забытые кем-то в простреленном из дробовика пакете.
Твои поминки я проспал в нетопленной бане,
Провонявшей вениками, прокопчённой берёзовым дымом,
Ослепшей и оглохшей, но шепчущей бабушкины сказки.
Одна из них начиналась с того, что я проспал твои поминки
И наутро сбил с заиндевевшей двери кладовки,
Запертой ключницей в прошлом полугалантном веке
Кованый замок позолоченной Александровской эпохи,
Ловко орудуя ломом, словно всю жизнь
Только этим и занимался.
И, глотая слёзы, примерил фронтовые кирзачи деда,
Спрятанные в дальнем углу под окровавленным отцовским кителем,
Подобрав с пола свёрнутую в трубочку записку,
Бредящую выгоревшими чернильными строчками,
Адресованными Орфею неприкаянному,
Без раскаяния ищущему любимую
Закоулками Аидова царства в мятых сапогах деда,
В батинном испачканном кровью пиджаке
И с пририсованными гранатовым пеплом кошачьими усами.

Джинсовый ангел

Взъерошенный ангел с расписными ножнами
На ремне рваных линялых джинсов,
Метущих дорожную пыль
Бахромой грязных ниток,
Позвякивает серебряными шпорами,
Простуженно сморкается в правое крыло,
Заговорщически подмигивает, дружелюбно басит:
– Братишка, закурить не найдётся?
Сутки без табака!
Загибаюсь!
Представляешь, вчера наклюкался до свинского хрюканья
Деревенской кислятины
В таверне «Три поросёнка»
И хозяин в виде оплаты бочонка сивушной дряни,
Утащил у меня золотой портсигар
С благодарственной гравировкой
Начальника Отдела Небесной Утилизации.
Каналья! Встанет ему эль с тараканами
Поперёк ненасытного горла!
Слышь! А ведь я тебя знаю!
Ну, точно, странник!
Всё ищешь?
Ищи, ищи, авось обрящешь.
Стучи, и откроют.
Да меру знай.
В Мадрид не суйся.
Альгвазилы взбесились,
Вздёрнут на ближайшей виселице,
С благословения маркиза де Карабаса,
И имени твоего, Орфей, не спросят,
И в ведомость смертную не внесут.
Веришь, Старик чуток сожалеет,
Что втянул тебя однажды вечером
В дождливую историю с непредсказуемой музыкантшей.
Хрустит суставами, держит пари с секретаршей,
Дескать, – кремень, – выкарабкаешься,
Да чешет за ушком бродячих котов-хранителей.
Ммм... Дружище! Фух! У тебя недурная махорочка!
Напоминает сигары седой дореволюционной Гаваны.
Я там чудил с молодым команданте... Но тсс!
Чужим не слова, особенно одной парижанке,
Мурлычущей со сцены: «Padam, padam...»
Впрочем, вы вряд ли свидитесь,
Да земля слухами полнится...
Последуй совету старого волокиты:
Избегай певичек и актрисулук,

Они по жизни безмозглые куклы
С китайским сатиновым сердцем
И пластиковой заготовкой вместо души.
Грим постепенно облезит, остаётся гримаса.
Ладно, пора! Дорога чрез дюны
Пустынна и продувается ветром.
Миль пять отсюда до замка де Сиганьяка.
Заночуй в развалинах Третьего бастиона,
Я там припрятал флягу кубинского рому,
Намахни пару глотков за моё здоровье!

Между сном и явью

Черта, за которой небытие
Всегда под ногами,
Но полустёрта лисьим хвостом иллюзии.
Сделать шаг
Или замереть на краю-
Трудный выбор.
Лгать самому себе,
Водить за нос близких,
Притворяться и изворачиваться,
Извиваться ужом на сковороде,
Захлёбываться тоской,
Тонуть в сонетах Шекспира,
Подыгрывать на рояле Джереми Пельту,
Трепать за ухо кота,
Покусывающего обветренную руку,
Доверять ему
Несбывшиеся надежды
И мечты,
Обратившиеся в розовый пепел
Македонского шершавого граната.
С подозрением взирать на людей
В режиме нарушенной самоизоляции,
Многословных, приторных, деловых,
Равнодушных, бездушных, потерявшихся,
С двадцатипятицентовиками вместо глаз,
Отражающими чаяния сердчишка.
Переступить грань?
Открыть новые миры?
Превратиться в машину,
Подобную тем, с кем свела нелёгкая?
Овладеть специальностью мародёра,
Грифа,
Падалыщика,
Жирующего среди чумы,
Наслаждающегося чужой бедой?
Или сохранить искру жизни,
Лепесток любви,
Микрон совести?
Для чего?
Для кого?
Не отыскать опоры
Вне самого себя,
И нет смысла в бытии,
Кроме избранных ориентиров.
Со ступеньки на ступеньку...

Метр за метром...
Год за годом...
На Монфокон,
На Гревскую площадь,
На лобное место...
И подчас не хватает сил быть человеком,
И случается, пропадает страх перед бездной...
Вдох-выдох...
Ещё жив?
Или это снится?
Но и во сне я один,
А не в числе мразей,
Пирующих на свежем пепелище.

Время Голландца Михеля

О, как волшебно изменились времена,
Истинное раздолье для угольщика Петера Мунка
И Голландца Михеля¹, дымящего трубочкой
В подводной мрачной пещере с холодными сердцами.
Теперь, чтобы извести Иванушку Дурачка
Не требуется арбалет, пищаль, бокал яда
И узкий кинжал за пазухой.
Достаточно лишить его надежды-
И всё, он готов,
Даже если сперва и хорохорится,
Сжимает кулачки и упоает на друзей.
Из ямы не выбраться, ступеньки не предусмотрены,
А вверху – сажа беззвёздного неба.
Отчаяние сочится струйкой жёлтого песка
В хрупких часах слепого Создателя,
Погребая скорчившуюся среди корней жертву.
А Михель и дальше дегустирует баварское,
Слегка оттопыривая короткий толстый мизинец,
Прикуривает коллекционную сигару,
Носит белоснежные перчатки
И похохатывает, вспоминая,
Как объегорил простака,
Считает себя предприимчивым,
Успешным
И человеком.

¹ Голландец Михель и Петер Мунк – герои сказки В. Гауфа «Холодное сердце»

Частные уроки музыки

Наверное, зря я не дарил тебе шелковистые розы,
Считая их буржуазным мещанским пережитком,
Которому нет места в жизни интеллигентной семьи,
Ежемесячно едва сводящей концы с концами.
И хотя ты давала частные уроки музыки,
Чертыхаясь забавно, когда простуженный
Вздохмаченный веснушчатый ученик,
Шмыгая, хныкал и сопел опухшим носом,
Брал не ту ноту или сбивался с заданного темпа,
А я до сиреневых сумерек просиживал
С прыщавыми курящими девятиклассниками,
Готовя их к экзамену по отечественной истории,
Денег до получки постоянно не хватало.
Вдобавок с залихватских холостяцких времён
У меня сохранилась архискверная привычка
Преступно тратить почти всю нищенскую зарплату
На закадычных жуликоватых приятелей,
Книги по античной философии, пиво, кассеты и военные мемуары.
А ты уже почти не сердилась, попривыкнув, убедившись
В тщетности увещеваний, в никчёмности слёз.
Чувствовала, что в моих беспокойных снах теперь,
Проскакиваешь лишь изредка, точно пейзаж за окном.
Смирялась с ролью третьего-четвёртого плана,
Чаще вчитывалась в туманные трансценденции Листа,
Упоённо учила вдохновляющие этюды Скрябина,
И занималась платными переводами с английского
То ли Китса, то ли Йейтса, цитируя их от случая к случаю.
Твоя мама, при чьём приходе мы насторожённо умолкали,
Бросала на меня испепеляющие взгляды дикого зверя,
Изгнанного правом любви из насиженного уютного логова,
Шептала проклятия похитителю единственной любимой дочери,
Читала тебе нотации на запертой крохотной кухне,
Откуда ты вырывалась с покрасневшими веками.
Как раз перед самым днём твоего рождения
Я, затагивая у себя на шее петлю галстука,
Наскоро упаковал в поскрипывающий чемодан
Немногочисленные спасительные вещички,
Из типичного набора записного обиженки, —
Пару мятых рубашек, брюки, два полотенца
Зубную щётку, бритву и свадебные фото в конверте.
У порога тяжело выдохнул и ткнулся лицом
В твою надушенную Imagine невесомую шубку,
Рассчитывая быть остановленным, услышанным и прощённым,
Но ты комментировала копание нетерпеливой дробью,
Своих пальчиков, танцующих allegro на ручке двери.
Я провёл полдня, горланя слова тоскливых песен

Марка Мермана, охрипнув, твердил их без перерыва,
И отчаяние отступило, испугалось, спряталось, окопалось,
Но к вечеру снова перешло в решительную контратаку,
Заняло оставленные ранее позиции на высоте.
Ты не приняла безоговорочную капитуляцию в виде букета,
Переломив дрожащие от холода белые розы,
Перепоясанные пружинящим завитком розовой ленты.
И эмоции пряча за сладкой улыбкой Оливии Хасси,
Размахнувшись, швырнула их в форточку балкона,
Потревожила покрытые инеем спящие кусты сирени,
А вслед прошелестели страницами «Утраченные победы»,
В полёте растерявшие карты, схемы, оперативные сводки,
Чёрными галками застрявшие в хрупких дрогнувших ветках,
Кладбищенскими воронами склевавшие мою наивную веру.

Хрупкие

Мы – осенние прозрачные паутинки,
Протянутые из прошлого в будущее
Пронизывающие настоящее.
Мы – трепетные бабочки,
Летящие на пламя свечи,
На фальшивый блеск позолоты.
Мы – хрупкие.
Мы – вечные скитальцы
В поисках своего райского острова,
Утопии и Города Солнца.
Мы – персонажи тысяч книг,
Борющиеся, страдающие, побеждающие
Или в тусклой безвестности умирающие
С чувством усталости и глазами Иисуса.
Непонятые. Преждевременные. Бестолковые.
Осмеянные. И – хрупкие.
Мы – птицы весны, вестники обновления,
Живущие до первого выстрела.
Мы – память и вечность,
Мы – забвение и пустота,
Мы – гранатовый пепел,
Стучащий в сердце пробуждающихся.
Мы – призраки их беспокойных иллюзий.
Мы – хрупкие.
Мы – клавиши фортепиано,
На котором соседи наигрывают по утрам
«Аппассионату» Бетховена,
А на закате – Вторую сонату Шопена.
Мы – струны лютни,
Перебираемые ветром,
Исполняющим небрежно
Баллады Джона Доуленда,
Но в финале неизменно
Сбивающимся на Стинга...
Мы – хрупкие...

Чёрно-белое кино

Прогуляться по городу —
Вспомнить старые военные фильмы.
Комендантский час, патруль, хрип рации.
«Halt! Ausweis! Hände Hoch, schweine!»
Schutzpolizei прячет лицо за маской.
Щелчок пальцев и вокруг не Родина
А рейхскомиссариат под
Тотальным видеоконтролем.
Sicherheitsdienst круглосуточно
Мониторит социальные сети,
Выискивает паникёров и вместолевых,
Подрывающих основы по указке
Коварного, вездесущего, всевидящего
Госдепа.
Работы нет, но налоги никто не отменит
Они спасут цвет нации —
Сечина, Миллера, Роттенберга,
И этого... как его... самого конституционного,
Ну, того, у которого бояре вечно плохие,
А самого его недавно космонавт
Обнулила.
Славься единство пролетария и буржуя,
Ведь богатые тоже плачут, если нефть дешевеет.
Да только одним французский бублик с маком,
А другим макаронки и фи́га с пальмовым маслом.
Вой сирен «скорых» уже не пугает
Лишь бы к чужому подъезду,
К той хате, что с краю.
Мещанский мирок трещит и лопается —
Ипотека, кредиты, дистанционное обучение,
Барбершоп прикрыт, но аренду взыщут,
Счета заблокируют, мебель опишут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.